

РАССКАЗ ОБ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Вероятно, когда-нибудь будут созданы целые альбомы фотографий по истории советской литературы...

Встреча, запечатленная на этом снимке, произошла 9 июля 1935 года на даче в Горках...

И они, молодые, говорят... И он внимательно слушал, что и как говорили наши товарищи...

И они были представлены ему отдельно. Некоторые из наших товарищей привезли Горькому и Роллану свои книги...

ПИСАТЬ ЗНАЧИТ СРАЖАТЬСЯ

Р. САМАРИН, Л. ЮРЬЕВА

ТВОРЧЕСКИЙ И ЖИЗНЕННЫЙ ПОДВИГ МАКСИМА ГОРЬКОГО ОСТАЕТСЯ ВЕЛИКИМ ПРИМЕРОМ ДЛЯ ПРОГРЕССИВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ВСЕГО МИРА.

КОЛОССАЛЬНАЯ фигура Горького стоит у истоков современных литературных процессов...

Вспомогательные, воспитанные в горниле освободительных антиколониальных войн середины века...

Вспомогательные, воспитанные в горниле освободительных антиколониальных войн середины века...

Вспомогательные, воспитанные в горниле освободительных антиколониальных войн середины века...

Вспомогательные, воспитанные в горниле освободительных антиколониальных войн середины века...

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ ГДР МАХИМ ГОРКИ DER ROMANTIKER Сборник произведений А. М. Горького на немецком языке.

СЛОВО ЗАРУБЕЖНЫМ ПИСАТЕЛЯМ Филит БОНОСКИ (США) Алан МАРШАЛЛ (АВСТРАЛИЯ) Людмила СТОЯНОВ (БОЛГАРИЯ)

НОВЫЕ ОДЕЖДЫ ЛЖИ

Б. БЯЛИК

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

100 ЛЕТИЕ со дня рождения Максима Горького отмечается во многих странах мира...

правду и романтику, объективность и пропаганду. Вся жизнь колеблется (так утверждает А. Макдональд) между правдой и утешительными иллюзиями...

волюции и социализме, Дан Левин указал на изображении советской действительности в «последней загадочной пьесе Горького»...

может произвести впечатление солидного научного исследования. В ней сделано много ссылок на различные публикации и издания...

На снимке (слева направо): Джованни Джерманетто, А. Б. Халатов, А. М. Горький, Иоганнес Бекер, Вела Илли, Антис Гидаси.

русской литературы и не продавал ее на десятилетия вперед, как Горький. Литературный его восход — это действительно целая эпопея, эпопея русской народной мысли. Тем, что было мечтой для Льва Толстого окупаться в народную струю, чтобы почерпнуть силу и волю к творчеству, — Горький обрел в природе и происхождении. Как Антей, сроставшийся с землей, в народной мудрости черпал он силу и мужество для своего жизненного подвига.

Нужно ли говорить, что для нас, болгарских писателей, имя Горького прозвучало с той силой, какой обладают первые весенние громы после морозной зимы?

Четыре десятилетия продолжалась у нас борьба «за Горького» — против полковой реакционной прессы умалить значение его творчества. Было создано целое общественное движение в его защиту, сочинения его переводились сразу же после выхода их в свет на русском языке.

Он научил нас любить человека, ценить человеческое достоинство и труд, верить в счастье и будущее человечества, освобожденного от эксплуатации, насилия, раба. Его пламенные обращения в тридцатых годах «С кем вы, мастера культуры?» живут и сегодня, потому что человечеству снова угрожают враги жизни.

Молодые писатели 50-х и 60-х годов не застали в живых Горького, человека, чей пример вдохновлял рабочий класс и интеллигенцию всего мира. Но остались его гигантское революционное творчество, его романтические рассказы, его повести и романы, остались его драмы, которые живут на сценах мира. Сейчас большим успехом пользуются пьесы «Егор Булычов и другие», поставленная на сцене Народного театра имени Ивана Вазова в Софии с участием молодого замечательного артиста Гецова в роли Булычова.

«Для меня Горький был барометром литературного и общественного поведения. В его «Буревестнике» видел я первые молнии надвигающейся бури. В «Валашской легенде» и другие произведения, которые переводил на болгарский язык, я вложил свое чувство преклонения перед человеком и поэтом Горьким, перед большим художником великой советской земли.

В Болгарии юбилей Горького принимает общенародный характер, потому что он писатель не только Советской страны, но и всех народов, которые вели долгую борьбу за его правду, ставшую правдой миллионов людей в мире.

Мне хочется, однако, остановиться на одном важном сходстве между автором «Отверженных» и автором «Матери» и «На дне», между создателем образов Фантиньи и Пелагеи.

И тот, и другой с необыкновенной ясностью ума и со страстью интересовались детьми и женщиной, матерью и ролюю матери. Матери, дающей жизнь. Иными словами, нарождающейся жизнью, жизнью в расцвете, жизнью в цвету.

Ведь если Виктор Гюго является поэтом, которого мы начинаем читать с детства лет, то и Горький входит в мир нашего детства и юности. Не мне объяснять русскому читателю, что сделал автор «Мои университеты» практически, педагогически, наконец, эстетически для детской и юношеской литературы. Отсюда у Горького и Гюго этот общий для обоих великих писателей голос: голос, прозякающий нежность и понимание, голос сострадания и мечты, но лиричный, не слащавый, а взволнованный, расстроганный.

На переломе эпох, между мраком и солнцем, Горький сумел увидеть главное. Это и придает его слову универсальное и вечное значение. В глазах ребенка могут светиться все горе и вся радость мирская. А лицо женщины способно отразить и вклинит и ужас испуганного и хаотичного мира, так и ценное для и симфонии всны. Горький помог нам во всем ужасе и подлости нити путь, который приводит, который уже ведет к дню, когда у всех детей будут веселые лица, когда матери будут заслуженно счастливы.

Это и есть кристалльная чистота и бронзовая твердость колокола, это — Горький.

да для Ленина и партии заботы более насущной, чем смягчение голода и лишения, которые терпели миллионы рабочих и крестьян... И еще один образ «объективности» Вулфа. Ему обязательно нужно доказать, что никакого обострения у Беркулеза у Горького не было, что у него не было кровохарканья, что его отъезд имел совсем другие — политические — причины. Никакими фактами, материалами, документами доказать это невозможно, потому что это неправда. Тогда Вулф прибегает к аргументу, который проливает яркий свет на самого американского литератора. Описывая то, что делало Горьким во время его заграничной работы над рядом произведений, организация помощи голодающим (Повольки и т. д.), Вулф иронически замечает: «Для человека, который был слишком болен, чтобы оставаться в России, его деятельность во время «лечения» просто паразитическая». Убийственный аргумент — убийственный для Вулфа. Его уму совершенно недоступно: как это можно в одно и то же время болеть и так много делать для родной страны, для родного народа? Для него оказывается совершенно непонятным и другое: почему Горький не вернулся в 1933 году в Италию, хотя его снова стал мучить старый недуг? Вулф пускается в догадки — как смогли «выманить» Горького из Италии и как ему помешали туда вернуться...

Ну может ли — и хочет ли — понять такой Бертрам Вулф, что Горький рвался на родину еще задолго до этого, что его задерживало лишь желание закончить до окончательного возвращения «Жизнь Клима Самгина» и что он не дождался завершения эпопеи из-за ряда важных обстоятельств, в частности из-за следующего: в 1933 году к власти в Германии пришла фашистская банда, и Горький понял, чем это грозит человечеству, особенно его родной стране.

Нетрудно объяснить, почему засуетились в связи с юбилеем Горького американские «советологи» (вернее было бы называть их антисоветологами): для пропагандистов антикоммунизма опасен наметившийся в ряде стран новый румб интереса к горьковскому творчеству. Нетрудно объяснить и другое — особое внимание этих пропагандистов к теме «Ленин и Горький»: они уже готовятся к другому юбилею, тревожащему их еще больше, — к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Но почему американская пропаганда ищет в Горьком так податливого английского издательства и так рекламирует такт английской прессы?

Загадка это не составляет. Те, кто поддерживает политику империалистических кругов США, вынуждены работать «на подхвате» и в области идеологии.

С кем поведешься, от того и наберешься.

НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ

РУМЫНИЯ

«Детство».

ШВЕЦИЯ

Артур Линдквист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», выступил на вечер, посвященный 100-летию дня рождения М. Горького.

БОЛГАРИЯ

«Дело Архипа и Ленъка».

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

100-летие со дня рождения М. Горького широко отмечается по всей стране. На днях в Праге проходила конференция, посвященная его творчеству, в которой приняли участие деятели литературы и культуры Чехословакии. Были заслушаны доклады о влиянии Горького на чехословацкую и мировую литературу.

МОНГОЛИЯ

«Дело Артамоновых».

ЯПОНИЯ

В ознаменование 100-летия со дня рождения болгарского писателя японский театр «Мингэи» показал свою новую постановку «Васса Железнова». С этим спектаклем труппа выступит в ряде городов страны.

АРХИВ «Л»

Бертольт БРЕХТ:

НАСУЩНОЕ ДЕЛО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Эти строки, посвященные Горькому, написаны Бертольтом Брехтом в середине тридцатых годов. Мы публикуем их с разрешения жены и друга писателя, известной актрисы ГРР Елены Вайгель, которая передала этот материал в нашу газету.

ВС. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ВА КРОВВЕРКСКОМ В 1920-М...

ПЕТРОГРАДСКАЯ осень 1920 года была ясной и теплой, хотя и прохладной. Было много и прохладных дней, но в целом лето не кончилось. В Петербурге было тепло, и люди ходили в легких пальто. В это время, в конце сентября 1920 года, приехал в Советскую Россию Герберт Уэллс. Цель его приезда была ясна: не доводя злословия и клеветнических сообщений печати капиталистического мира, он хотел собственными глазами видеть то, что происходит в молодой Советской стране. Он ехал как друг, хотя и связанный по рукам и ногам буржуазными представлениями о возможности социалистической революции.

Герберт Уэллс, приехав в Петроград, с которого началось его путешествие, поселился на квартире своего друга Алексея Максимова. Горького, с которым познакомился еще в 1906 году. Здесь, в высоком каменном доме на Кронверкском проспекте, 23, мне и довелось увидеть прославленного англичанина, приехавшего в самую бурную, домашнюю обстановку.

Надо заметить, что в 1916—1918 гг. я был частым посетителем горьковского дома и даже жил некоторое время под его гостеприимной кровлей в качестве студента-репетитора в семье М. Ф. Андреевой. Но в 1920 году на мне уже была шляпа младшего командира Красной Армии, и лишь изредка, в свободное время, мог я посетить эту многим памятную для меня квартиру.

Так было и на этот раз. Уже из передней увидел я большое общество вокруг накрытого к вечернему чаю длинного стола в просторной горьковской столовой. Кроме домашних и привычных гостей Алексея Максимова, среди которых я сразу же приметил профессора Десницкого и А. Тихонова (Сергеева), было немало и лиц, мне совершенно неизвестных. Рядом с М. Ф. Андреевой сидел человек, привлечавший к себе всеобщее внимание. Кто-то успел мне шепнуть, что это Герберт Уэллс. Надо ли говорить о том, что я не сразу мог прийтись к себе от изумления и с дальнего конца стола смотрел на неожиданного для меня гостя во все глаза. Это имя было популярным, любимым среди тогдашней молодежи.

«Я жадно наблюдал за Уэллсом во время общей оживленной беседы, и надо сказать, в первые минуты меня постигло некоторое разочарование. Я ожидал увидеть нечто другое: податливого сучающего англичанина с острыми чертами лица, с нетерпимыми, но резкими движениями, с острым взглядом пронзительных серых глаз. Словом, традиционный и типичный облик представителя энергичной острогой нации. А предомой на другой стороне стола сидел полноватый и даже несколько грузный человек, по-видимому, не очень высокого роста. У него было смуглое лицо, короткие подстриженные усы, волосы на косье проборе, и только острые, зорко ко всему приглядывающиеся глаза да, пожалуй, несколько поджаренная манера изысканной вежливости не позволяли принять его за будничного и внешне ничем не примечательного среднего интеллигента. Во всяком случае, по его внешнему облику трудно было предвидеть, что это тот самый Герберт Уэллс, неудержимая творческая фантазия которого позволяла видеть настоящие удивительные, невероятные и вместе с тем, казалось бы, вполне правдоподобные события.

Но не на себя смелость восстановления содержания той круговой беседы за горьковским столом — слышал много времени прошло с тех пор. Осталось в памяти только то, что в основном она касалась вопросов культуры и, в частности, театрального искусства, сам же факт существования которого в городе, переживающем тяжелые времена, привлек внимание гостей в безмерное изумление. Но он сам получил возможность убедиться в том, что театры у нас работают совершенно нормально. Позже мне рассказали, что Уэллс побывал на спектакле в молодом тогда Большом драматическом театре, видел «Отелло», где роль Дездемоны исполняла М. Ф. Андреева, а также слушал «Севильского цирюльника» с Федором Шаляпиным.

За то сравнительно недолгое время, которое Уэллс был гостем Горького, он не пропустил ни одного дня, чтобы не побывать на каком-либо из действовавших тогда предприятий, посещал школы, библиотеки, а чаще всего просто гулял по городу, приглядываясь к совершенно новой для него жизни. Но больше всего интересовали его начинания Горького по организации и поддержанию культурной жизни Петрограда, в частности, то, что он делал для нормальной работы литераторов и ученых.

Уэллс можно было видеть и на одном из редких заседаний заседания горьковского издательства «Всемирная литература».

Бывают писатели, чья техника повествования, совершенно независимо от содержания их произведений, оказывает значительное влияние на других литераторов. Я не знаю, принадлежит ли Горький к числу таких писателей, хотя, разумеется, его простой и естественный стиль можно считать образцовым. Впрочем, та или иная художественная манера может представляться желательной, но это еще не значит, что ее легко воспроизвести. Не всем желаниям суждено сбыться. Художественная манера Горького порождена его талантом (талантом горьковского масштаба), и не только талантом, но еще и опытом (по-горьковски своеобразным и разносторонним). Однако именно с этой ни с чем не сравнимой (и потому трудно вос-

производимой) художественной манерой Горького, в которой выражается его исключительная и своеобразная личность, связано его огромное влияние на читателей. Даже писатели, и тех он превратил в читателей, а уж это само по себе большое достижение. Вот что я имею в виду: его рассказы можно слушать так, словно их автор — какой-нибудь старый рабочий, и в свою очередь рассказывать другим в любой манере. Вспоминать нет причин: все рассказанное им соответствует истине. Он сам видел все это, наперед составил себе обо всем верное представление и столь же правдиво описал увиденное. К тому же он никогда не повествует о чем-то, близком ему одному, а рассказывает только

о том, что само по себе имеет важное значение, вне зависимости от мастерства рассказчика. Судьба матери, будь она даже рассказана менее умело, несомненно, должна была произвести большое впечатление на всех, кому близка эта тема. Своей повестью «Горький, конечно, добился того, что эта тема вдруг стала близка очень многим людям. Тем самым он привлек внимание к делу рабочего класса как к самому насущному, первоначальному делу всего человечества. И подобно тому, как Горький причастен к успеху этого дела, так же и русский рабочий класс причастен к успеху Горького.

* Имеется в виду «Мать», по которой Брехт написал пьесу.

Десницкий тотчас присели на корточки и, чихая от пыли, включились в общую работу. Последовал за ними и Уэллс. Шилов, узнав, кто это такой, тотчас пригласил ему целую кучу научных изданий на английском языке. К этому времени подошел переводчик, и между собеседниками книги завалялись общий разговор. Старый бункист вспоминал сведения, что Уэллс в основном интересовался научные труды по биологии и медицинским наукам. Он проявил незаурядное знание материалов.

Уэллс привело в крайнее изумление сообщение Десницкого о том, что за последние три года в научные библиотеки Петрограда почти ничего не поступало из трудов зарубежной прогрессивной науки. В разговор вступил Горький: «В этом нужно винить только так, что пытается сейчас с оружием в руках задушить государство рабочих и крестьян. Какое им дело до нашей культуры, да и культуры вообще?»

Уэллс (по словам Шилова) поддержал мысль Алексея Максимова и стал говорить о том, что наука буржуазного общества замкнута в узком кругу личных, индивидуальных интересов, но что есть у нее и такие достижения, которые должны послужить для общей пользы прогрессивного человечества. Горький улыбнулся и добавил: «Я думаю, что в нашей стране оно так и будет. Наука нужна нам, как хлеб».

И тут же начался разговор, как лучше обеспечить молодую Советскую Республику наиболее достойными достижениями западных ученых. Горький улыбнулся и добавил: «Я думаю, что в нашей стране оно так и будет. Наука нужна нам, как хлеб».

Общая напряженность требовала какого-то разрядки. Горький медленно приподнялся и сказал как-то трудным, не своим голосом, еще сильнее, чем обычно, упирая на ков.

«Боюсь, товарищи, что мы утомили нашего уважаемого гостя... Все стали расходиться, оглядя растерявшегося в конце Амфиатрова».

ОСНОВНОЙ целью приезда Уэллса в нашу страну была возможность лично познакомиться с В. И. Лениным. Такая встреча и состоялась в октябре 1920 года в Москве, о чем рассказано в книге «Россия во мгле», написанной Уэллсом по возвращении, в главе, названной автором «Кремлевский мечтатель». Содержание этой беседы хорошо известно.

Спор Ленина с Уэллсом был решен историей. Даже при всей своей наблюдательности, даже при всем добром желании разобраться в том, что происходит вокруг, Уэллс всего за какие-нибудь несколько дней не мог понять до конца чужой, совсем не известной ему жизни.

И все же поездка в Россию принесла свои благотворные плоды. Все величайшие трудности и лишения, переживаемые в это время нашей страной, Уэллс приписывал не новому, революционному строю, как это хотелось капиталистическому Западу, а неизжитым последствиям насильственного свержения царского режима. Более того, Уэллс приходил к мысли, что правительству большевиков — это единственная власть, которая в состоянии наладить в России нормальную жизнь. Об этом он с достаточной ясностью сказал в уже упомянутой книге».

ЛЕНИНГРАД

Герберт Уэллс в гостях у Максима Горького

Герберт Уэллс в гостях у Максима Горького